ВЕСТНИКИ БУРЬ

Книга I: Первопроходец

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александр Агафонов

Александр Агафонов

Вестники бурь. Первопроходец. Предыстория.

Серия «Вестники Бурь», книга 1

https://litres.ru/73945986
SelfPub; 2026

Аннотация

Нулевая книга серии где через обрывки воспоминаний показано становление характера одного из главных героев. Рекомендуется начинать чтение с книги Миротворец.

В мире будущего, где человечество разделено на ядро и периферию, а технологии давно превзошли саму человеческую природу, создаётся проект «Первопроходец» — программа, призванная отправить человека за пределы Солнечной системы.

Цена — почти полная утрата человечности.

Александр Грачев — ребёнок без прошлого — становится кандидатом. Его тело постепенно заменяют имплантами, а в сознание внедряют искусственный интеллект «Хранитель», призванный сохранить его разум. Но вместе с этим возникает вопрос:

что делает человека человеком — память, эмоции или свобода выбора?

Содержание

Предисловие. 4
Глава 1. «Летний дождь». 6
Глава 2. «Натюрморт». 24
Глава 3. «Титан». 39
Глава 4. «Нить». 69
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Александр Агафонов
Вестники бурь.
Первопроходец.
Предыстория.

Предисловие.

В мире будущего, где человечество разделено на ядро и периферию, а технологии давно превзошли саму человеческую природу, создаётся проект «Первопроходец» — программа, призванная отправить человека за пределы Солнечной системы.

Цена — почти полная утрата человечности.

Александр Грачев — ребёнок без прошлого — становится кандидатом. Его тело постепенно заменяют имплантами, а в сознание внедряют искусственный интеллект «Хранитель», призванный сохранить его разум. Но вместе с этим возникает вопрос:

что делает человека человеком — память, эмоции… или свобода выбора?

Проходя через годы подготовки, Александр превращается в Борея — идеального солдата и инструмент системы. Но

чем сильнее он становится, тем больше стирается граница между ним и тем, что должно было его защищать.

Когда Борей выходит за пределы контроля, он оказывается втянут в конфликт, способный разрушить баланс всей цивилизации. Но вместе с силой приходит и тень. Искариот — не просто враг, а отражение пути, по которому может пойти сам герой.

Это история о цене силы, природе добра и зла, и о том, можно ли остаться человеком, если от тебя почти ничего не осталось.

Глава 1. «Летний дождь».

Тяжёлые свинцовые тучи в это утро, нависли так низко, что казалось, вот-вот заденут шпили коммуникационных башен. Крупные капли с дробным ритмом барабанили по витражам спортивного зала девятого государственного детского дома города Мирный.

Утренняя пробежка, от учебного корпуса под проливным дождём, разумеется, не входила в программу физической подготовки. Но проигнорировать приказ директора на общий сбор средней группы, учащихся от восьми до десяти лет, никто не осмелился.

Александр не чувствовал ни раздражения, ни холода. Промокший до нитки, он испытывал странное, почти эйфорическое воодушевление. Он любил летние дожди. Любил, когда тёплый ветер толкает в лицо, запах озона и кажущиеся такими близкими потяжелевшие от воды облака.

Особенно он любил грозу, белые шрамы молний, разрезающие серую толщу облаков, и грохот грома, вибрацией проходящий по стеклу на окне. Его не пугала стихия. Напротив, хотелось забраться на крышу жилого корпуса, раскинуть руки и ощутить силу ветра, несущегося навстречу. Быть, хоть на миг, выше этого дождливого, тяжёлого мира.

Он не замечал дрожи, с которой остальные девять детей топтались у древних витражей зала, с выцветшими до неузнаваемости гербами. Никто не понимал, зачем их вызвали так рано, и так срочно. Здание гудело, будто сдерживая что-то важное внутри.

Скрипнув, открылась дверь. Все головы повернулись синхронно. В зал вошёл директор, невысокий, жилистый мужчина в плаще цвета угля, капли дождя стекали с его рукавов на древний паркет. За его спиной были двое. Женщина в белом халате, словно из медпункта, и высокий, неулыбчивый человек в строгом сером костюме. У последнего не было глаз, вместо них черные провалы матовых линз, посмотрев на которые, не возможно было понять направление его взгляда, отчего казалось, будто он постоянно смотрит именно на тебя.

Женщина в белом халате слегка подтолкнула директора вперед, и тот, запнувшись с растерянностью на лице, обратился к строю детей.

— Дети – директор сглотнул и поправил полы пиджака — Сегодня вы станете частью важного этапа, эм… события, которое в корне перевернёт вашу дальнейшую жизнь, и подарит небывалые перспективы. Секторальная комиссия по программе раннего отбора на государственную добровольную службу — впервые за долгие годы в этом детдоме дети увидели директора в таком состоянии, обычно уверенный и добрый наставник будто не находил себе места — Вы уже

знаете, среди вас есть особенные, кхм…

Шёпот прошёл по залу, будто лёгкий ток. Александр вздрогнул. Особенные?

Дверь снова хлопнула, и в зал вбежал высокий худощавый мужчина в строгом костюме.

— Прошу простить меня за опоздание!— легким кивком он поприветствовал остальных членов комиссии, взяв директора под локоток, мягко отстранил его в сторону.

— Позвольте представиться, руководитель научной группы проекта «Первопроходец», профессор Коновалов Виктор Алексеевич. Я здесь, что бы рассказать вам дети, что предстоит выбранному сегодня кандидату на участие в проекте. Наши уважаемые коллеги из министерства обороны и ВКС — замер он на миг — А впрочем, это не важно.

— Уверен вы прекрасно помните что два года назад вам имплантировали несколько чипов, которые позже удалили у каждого через разный период, а у некоторых не удалили до сих пор. Эти датчики служат для того, что бы определить насколько ваш организм сопротивляется инородным телам, точнее насколько хорошо оно к ним адаптируется, и не отторгает.

— Профессор, ближе к сути — поторопил его мужчина в пальто — Нам сегодня ещё семнадцать мест посетить нужно.

— Конечно, конечно… Дети, вам выпала возможность стать кандидатами на звание Первопроходца, и после многих лет подготовки, отправиться к самым далеким звездам, за пределы нашей родной солнечной системы – он с мечтательным взглядом повернулся к витражу, за которым буря только набирала обороты.

— Однако, для возможности выполнения сверхдолгого полета в космосе, человек будет подвергнут аугментации, с замещением родного тела на восемьдесят девять процентов. Такая радикальная кибернетизация практически никогда не выполняется в медицине, потому что неизбежно приводит человека к критическим проблемам с психическим здоровьем, иными словами, пациент гарантированно теряет здравый рассудок в той или иной форме.

Увлекшись рассказом, мужчина начал ходить по кругу бурно жестикулируя, словно в аудитории на лекции.

— Каждый человек в этом случае, сходит с ума по-разному. Из не многих известных нам, и полноценно изученных случаев, мы выделили три прогнозируемых варианта развития событий: первый и самый распространенный, это диссоциативное расстройство личности. Второе куда сложнее и интереснее, пациент по нашим наблюдениям утрачивает эмоциональные привязанности, реакции, даже биохимические процессы в его мозге принимают глобальные изме-

нения, прекращается выработка гормонов, вернее, их кхм, «усвоение». Импланты выполняют функцию регулировки гормонального фона, но сам пациент просто перестает реагировать на его изменение.

Запнувшись о неровности местами вздувшегося паркета и мельком посмотрев на мужчину с искусственными глазами, профессор помассировал виски пальцами и вновь улыбнувшись, продолжил

— В любом случае исследование этого вопроса слишком объёмно и требует отдельной серии лекций. Однако именно команде нашего института, как мы считаем, удалось предложить пусть не идеальное, но вполне рабочее решение проблемы. Программа «Хранитель». Полноценный, выращенный и воспитанный искусственный интеллект, вживленный напрямую в спинной мозг и соединенный с корой головного через нейроинтерфейс. Не будем сейчас углубляться в технические подробности, рассмотрим саму суть предложенного нами решения.

Профессор, мельком переглянулся с мужчиной в сером, кивнул женщине в халате, и та что-то быстро нажала на планшете.

— И так, ИИ, в прямом смысле выросший и обученный в теле пациента, имеющий постоянный доступ ко всему потоку информации, и его воспоминаниям, является ни чем иным как якорем, в психологическом смысле. Именно этот ИИ, постоянно отслеживая все изменения в состоянии паци-

ента, сможет полноценно и своевременно принимать меры по устранению любых симптомов психических расстройств, сохраняя своего подопечного в здравом уме, насколько это возможно.

Иными словами, ИИ в этом случае, что то вроде пастуха присматривающего за отарой как за единой системой, или программист, следящий за работой программы, при необходимости удаляя поврежденный код и переписывая его. Но пациент должен осознавать, что, как и любой специалист, наш ИИ нуждается в качественных инструментах, и дать их просто необходимо для корректной работы «Хранителя». Вопрос в том, согласиться ли пациент, разделить или при необходимости отдать под контроль такие важные процессы как биохимия организма? Позволит ли пациент чужому искусственному сознанию управлять его гормональным фоном и настроением? Напрямую влиять на принятие решений, манипулируя незаметно для своего «хозяина».

Десять замерших в непонимании детей, тайком переглядывались друг с другом, в попытках убедиться, что все присутствующие сверстники точно так же растеряны. И даже, казалось бы, всезнающий директор смотрит на профессора с открытым ртом. Тем не менее, в маленьких головах в тот момент складывалось одно смутное понимание, этот профессор говорит о чем то очень важном, и это важное как то связано с ними.

— Пациент должен твёрдо осознавать, что в целях выполнения своей основной задачи, а именно сохранение психологического здоровья «хозяина», Хранитель может или возможно будет вынужден применять все свои инструменты, вплоть до контроля воспоминаний и блокировке части нашей личности. Что если Хранителю придется буквально вырезать часть нашей памяти в случае, если конкретные воспоминания несут слишком высокую травмирующую специфику? Если выразиться проще, вот Вы юноша, если на одной чаше весов будет воспоминание о вашей младшей сестре, которую вы сейчас так крепко держите за руку, воспоминание, скажем, о ее гипотетической смерти, несправедливой, жестокой, пугающей и приносящей столько боли…

Витек, которому и был адресован этот вопрос склонившимся над ним профессором, разумеется, опешил, но взгляд не отвел и едва заметным движением сместился немного вперед закрывая собой свою маленькую сестру. На миг показалось, что еще немного и профессор пожалеет о своем вопросе.

Витек, он был из третьего корпуса, там все дети получали имена на букву В, Виктор, Василий, Вероника и так далее… В первый месяц меня определили во второй корпус и дали имя Борис, а уже потом перевели в первый корпус и снова переименовали, теперь уже Александр, или Санек, а еще чаще Санчес или Санчелло, как звали меня однокурсники за добродушный характер и умение смеяться не только над други-

ми, но и над собой. В нашем детском доме, как в прочем и в других государственных, найденных в руинах беспризорников переименовывали в алфавитном порядке согласно номеру корпуса. Бывало так, что уже давно привыкшая к новому имени Маша, в последний год обучения переводилась в другой корпус и внезапно становилась Варварой, а уж что говорить о системных фамилиях, что нам раздавали, порой они представляли из себя просто набор букв, лишь бы не совпадать с уже выданными ранее. Тем временем мужчина с искусственными глазами укоризненно проворчал

— Профессор Вы забываетесь! Перед Вами дети все таки, выбирайте выражения и..

— Эти дети полковник, пережили и видели больше некоторых ваших солдат. Я предупредил сразу, что не буду делать скидку на возраст, я уважаю их право понимать, что именно мы им предлагаем. Так вот юноша, представили? Поймите, что такое воспоминание теоретически может привести Вас к психическому срыву, Хранитель способен заблокировать воспоминания о чем угодно, он не стирает его, но прячет за тяжелую сейфовую дверь, ключ от которой есть только у него. Все происходит так, что вы даже не замечаете этого, вы не осознаете, что часть вашей памяти больше вам не доступна.

Профессор буквально сверлил взглядом десятилетнего ребенка, тогда мы не понимали, что он намеренно провоцирует нас.

— И вот Вы стоите перед выбором, на одной чаше весов воспоминания о вашей сестре, которые приведут вас к безумию рано или поздно, на второй чаше психическое здоровье позволяющее выполнить возложенную на Вас, безусловно, героическую и великую задачу, стать настоящим первопроходцем в сверхдальнем космосе для всего человечества?

Витек только сильнее сжал руку своей сестренки и упрямо замотал головой.

Александр задал вопрос

— Что значит кибернетизация на восемьдесят девять процентов?

— Да, это правильный вопрос юноша, очень правильный. Что бы ответить на него полноценно, мне потребуется несколько часов на лекцию. Но если кратко, на протяжении всего периода обучения выбранного кандидата будут постепенно улучшать, каждая группа имплантов возможна к установке не ранее определенного возраста, лишь некоторые из устройств, способны расти внутри человека вместе с ним. К моменту окончания обучения, и на финальных этапах подготовки программы, тело кандидата подвергнется почти полной замене всех внутренних органов на их искусственные аналоги, почти весь скелет, мышцы, нервная система и многое другое. Проще говоря, вас пересоберут заново в более со-

вершенного человека, способного выдержать сотню лет перелета в одноместном корабле, и что самое важное, вернуться обратно.

В зале всё стихло. Дети, что переглядывались между собой, едва уловимые шепотки терялись в шуме дождя за окном, директор потупив взгляд, почти отвернулся.

Резкий порыв ветра ударил по витражам, старые латунные задвижки заскрипели в попытках удержать окна закрытыми. Дети вздрогнули от раската грома, и даже профессор поежился, растирая руки.

— Профессор, достаточно тратить время впустую. У нас все равно есть все разрешения и полномочия на забор кандидата. При всем уважении, десятилетний ребенок еще не в состоянии принимать самостоятельно такие решения, по крайней мере, юридически – выступила вперед женщина в халате, судя по ее слегка скривившейся ухмылке, происходящее ее скорее раздражало, чем волновало.

Человек с линзами не сказал ни слова. Он лишь внимательно окинул взглядом строй, будто сверяя фотографии из досье с лицами. Его глаза остановились на Александре.

— Вон тот — произнёс он, повернувшись к женщине — Проверьте показатели. Уровень адаптации один из самых высоких, а эмоциональный профиль поразительно стабильный. Пока что из присутствующих это лучший вариант.

Александр вдруг почувствовал, как всё вокруг, дождь,

гром, старый паркет, и даже мокрая одежда, исчезло. Остался только этот взгляд. И странное чувство: всё, что будет дальше, уже давно началось. Просто он об этом ещё не знал.

Женщина из комиссии подошла к нему, быстро, почти не касаясь пола. Её глаза были полны отрешённой деловитости, как у врача, работающего с объектами, а не с людьми. На шее висел тонкий серебристый модуль с крошечным экраном. Когда она взялась за руку Александра, устройство отреагировало, голубой свет скользнул по его коже, разложив его внутреннюю структуру на десятки строчек данных.

— Пульс стабилен. Нейронный фон чистый. Предрасположенность к когнитивным связям выше нормы. Уровень подавления тревожности, шестьдесят пять процентов, без фармподдержки. На данный момент лучший показатель из кандидатов — произнесла она, не скрывая удивления.

Остальные дети молчали, не шевелясь. Кто-то переглянулся, кто-то даже шагнул назад.

— Имя? — тихо спросил мужчина в сером.

— Саша... — ответил он почти шёпотом, не отводя взгляда от блестящих линз – Александр Грачев.

— Запоминай, твой порядковый номер девять — сухо сказал тот и повернулся к директору — Завтра в шесть утра он должен быть готов к транспортировке. Остальных отпустите.

— Он даже не подписал согласие! — вдруг выкрикнула девочка из их группы, Марта. Глаза её сверкали — не от злости, а от страха.

Женщина в халате на секунду взглянула на неё, кивнула директору. Тот молча подошёл к девочке, положил руку ей на плечо и повёл в сторону, как воспитатель, отводящий расшалившегося ребёнка. Александр слышал, как она пытается спорить, но слова тонули в шорохе дождя за стеклом.

А он стоял и смотрел, как уходит человек в сером. Его шаги были беззвучны. Он будто не весил ничего. Как тень будущего, уже наступившего.

Ночь выдалась безветренной. Дождь стих ещё днём, и теперь только мокрые дорожки во дворе блестели в лунном свете, как нити, протянутые куда-то далеко за пределы привычного мира. Теплый и сухой воздух, нагнетаемый пожелтевшим от времени кондиционером слегка ворошил страницы открытой книги «Алые паруса». Тишина, такая редкая для стен детского дома, растянулась над корпусами, будто сама боялась что-то нарушить, или спугнуть ту кажущуюся безмятежность, что воцарилась за пределами окон каждой маленькой комнаты. Каждого уютного уголка…

Александр лежал на спине в своей койке и смотрел в потемневший потолок, разглядывая трещинки в деревянных окантовках пластиковых, квадратных плиток, многократно затертых, но все еще белых в своей нерушимости вечного-отлитого композита, соседствующего с таким архаичным деревом.

Одеяло сбилось к ногам, подушка промялась и потемнела от впитавшегося пота. Он не мог уснуть. За стеной кто-то храпел, кто-то ворочался. Мысли о произошедшем сегодня в спортивном зале, не давали покоя своим множеством вопросов — на которые ни кто не давал ответа. Противный, липкий страх пытался подобраться из самой глубины сознания, страх перед неизвестным предстоящим. Для чего его выбрали? Программа «Первопроходец» — что это? Эх…если бы им был разрешен доступ к сети в ночное время.

Уже завтра, его увезут не понятно куда, абсолютно чужие люди. Гибель отца и исчезновение матери, уже однажды надломили надежду ребенка на … на что? Он и сам не знал, на что надеялся когда пробирался по полузатопленным помещениям накренившегося небоскреба, некогда величественно подпиравшего небо. Он уже давно избавился от ненужного чувства горькой обиды. Он давно перестал себя жалеть и сделал все, что бы, не позволять другим относиться к нему с жалостью, он старался быть сильным — потому что так правильно. Потому что только силой удавалось сохранить всё ценное что у него оставалось, упаковки сухих пайков найденные в разрушенной стихией пожарной станции и теплую водонепроницаемую куртку. Потому что такими были герои его любимых книг, сильными, непокорными, и справедливыми. Хотя последний пункт он все чаще считал излишне переоцененным.

Сегодня весь вечер он снова читал.

Снова лёг в постель ближе к полуночи, любуясь, на подглядывающую из за туч луну. Всё, как всегда, но до зябкой дрожи, что пробирала до самых костей, до тревожных мыслей и страха перед неизвестным, что он с трудом подавлял, именно до этого момента все было как всегда, но одновременно совсем иначе.

На тумбочке рядом лежал старенький планшет, выданный всем детям средней группы. Без доступа к Сети, с несколькими обучающими программами, парой электронных книг и старой игрой про орбитального десантника. Обычно он играл перед сном, но сегодня даже экран не хотелось включать. Не хотелось делать вид, что всё в порядке.

На полке напротив была не большая, но все же любимая подборка древних бумажных книг, которые он бессовестно не вернул в библиотеку. Он зачем то часто их перекладывал, то в алфавитном, то в убывающем по количеству страниц порядке. Тогда он еще не понимал, что таким образом он просто успокаивался, методично и монотонно, потерявшись в бессвязных мыслях, он медленно проводил пальцем по корешку, по рельефному теснению имени автора и названия книги. В его маленькой личной библиотеке, были и классические произведения, такие как «Перекресток одиночества» Дэма Михайлова, и фантастика от Грема Макнила и Дена Аббнета. Расставаться с книгами ему не хотелось, и он был намерен утром сделать все возможное, что бы ему позволили взять их с собой.

Он услышал, как скрипнула дверь, и увидел старшего воспитателя, Павла Сергеевича. Тот вошёл тихо, не включая свет, словно знал, что именно к нему сейчас нужно подойти.

Он был из немногих взрослых, кого Александр уважал. Не за строгость, не за мягкость, за то, что тот всегда говорил честно. Даже если правда была неприятной. Учитель по философии как то проговорился, что Павел Сергеевич участвовал во вторых корпоративных войнах и даже сражался в колонии на Марсе.

— Не спится, Саша? — спросил он, присаживаясь на стул рядом.

— Нет, — тихо ответил мальчик — Завтра ведь всё изменится, да?

Павел вздохнул и потер лицо ладонью. Он выглядел уставшим, старше, чем обычно. Но в голосе звучала привычная теплота.

— Да. Изменится. Тебя выбрали, а это значит, что ты действительно… особенный. Вернее, они думают, что смогут напихать в тебя кучу железа, и ты при этом не слетишь с катушек.

— А если я не хочу быть особенным?

Воспитатель долго молчал, разглядывая небо за окном. Затем, чуть наклонившись, сказал почти шёпотом:

— Никто не спрашивает, хочешь ты или нет. Пойми, мы все кем-то становимся. Но не все успевают выбрать, кем именно. Ты сможешь. Я верю, что у тебя будет выбор. Мо-

жет, не сейчас, может, не скоро. Но ты его получишь. И мой тебе искренний совет, выбери сам, без подсказок и напутствий других.

Александр кивнул, неуверенно. Потом спросил:

— А они, хорошие? Ну… те, кто меня заберут?

Павел отвёл взгляд.

— Они, система. А в системе мало хорошего. Но я знаю, ты сможешь в ней остаться собой. Или, станешь кем-то лучше, чем были мы.

Он положил руку Александру на плечо и задержал её там на мгновение.

— Смотри в небо, когда будет страшно. Оно всё помнит. Даже нас.

Когда он ушёл, Александр долго лежал с открытыми глазами. Он вспоминал, как в детстве представлял себя в космосе, как мечтал быть пилотом, учёным, разведчиком. Но сейчас, странным образом, ему просто хотелось быть мальчиком. Хотелось остаться дома, в тепле, среди друзей и добрых воспитателей. Без полковника и его линз вместо глаз, без сканеров и серых костюмов.

Он закрыл глаза, дыхание как то само выровнялось, и отпущенные без поводка мысли, убежали, куда-то вдаль, перед ним всплыл образ: корабль, уходящий за горизонт. Внутри он сам, но другой. Спокойный, молчаливый, с лицом, которое почти не отражает эмоций. А рядом, в темноте кабины, шепчет кто-то незримый. Голос, похожий на тёплый ветер в

грозу.

Александр не понял, спит ли он, или всё это наяву. Но почему-то вдруг стало чуть легче. И он всё-таки уснул.

Ему разрешили взять с собой книги, вещи и даже планшет, который был собственностью детского дома.

Утром, когда за ним пришли молчаливые люди в военной форме, он набрался смелости, впрочем, сильно граничащей с наглостью, и помимо просьбы о книгах твердо потребовал объяснить хотя бы, куда его везут, что бы друзья из группы смогли ему написать. На что один из военных, скупо усмехнувшись, выдал в ответ что-то вроде — я и сам не знаю, куда тебя везу, все настолько секретно, что наш пилот уже полчаса не может получить координаты для выбора курса. Так что парень, крепись, сбегай в сортир, чтобы не терпеть в полете, а потом хватай свои пожитки и двигай на улицу.

Что Александр не преминул сделать, решив не пренебрегать дельным советом.

Последнее что он помнил о том дне, это как красиво выглядел их детский дом, окруженный вековыми хвойными лесами, с тонкими артериями двух дорог, соединяющих его с городом. Помнил восторг от первого полета, и легкую грусть от покидания родного гнезда. В то утро он решил для себя, что бояться нет никакого смысла, так же как бездумно бро-

саться в новую жизнь с головой. Тогда мальчик еще не знал, какую судьбу ему уготовило будущее, да и не хотел знать, он просто наслаждался видом проносящихся далеко в низу верхушек столетних елей, и захватывающими дух пейзажами горизонта, переходящего в небо.

Это последнее что я помнил достаточно отчетливо, чтобы пересказать хоть сколько то подробно. К моему сожалению, память, очень не постоянная и совсем не правдивая штука, иногда я не был уверен, воспоминания в моей голове — они настоящие? Вот и сейчас, сидя в дешевом китайском ресторане, держа в одной руке дешевый бульварный детектив в мягкой обложке, а в другой вилку с остывшей лапшой, я старался отвлечься от тяготящих мыслей. Впрочем, мне это удавалось, весьма.

Глава 2. «Натюрморт».

Книга была старой.

Пожелтевшие и ломкие до хруста страницы, изрядно заляпаны кровью, что мешало прочесть некоторые слова. Но это меня не огорчало.

Помешивая вилкой остывшую лапшу в говяжьем бульоне, я пробегал взглядом историю детектива, который в пьяном бреду метался в поисках похищенной проститутки. Строчка за строчкой, новый абзац пролетал мимо моих вяло текущих мыслей, кажется, он любил ее, несчастный ушлепок пропивший карьеру ради глупых принципов.

Перевернуть следующую страницу не удалось, она слиплась с другими. Я пнул под барной стойкой остывшее тело, уже бывшего владельца бара. Старый кретин, решил поиграть с мачете, а проиграл палочкам для еды. Их пришлось применить в качестве холодного аргумента, сейчас застрявшего в левой глазнице незадачливого рубаки. Диалог у нас сразу не завязался, он нагрубил, я нагрубил в ответ, слово за слово, мордой по столу.

Зато, вилка нашлась.

По витринному стеклу за спиной, барабанил тяжелый ливень, его шум навевал странное чувство уюта и желание

спать, от чего я зевал каждые десять секунд, в попытках доесть осточертевшую лапшу. Тучи, что нависли над проклятым городком уже вторую неделю, исторгали такие потоки, что давно заполнили всю канализацию. Годами копившееся там дерьмо, поднялось на поверхность, веселыми ручейками растекаясь по улицам. Эпистоpальное, епист…да как его там правильно то, в общем, живописное зрелище.

В такую погоду, в сезон муссонов, мало кто выходил на улицы. Повсюду носились только дроны доставки, и редкие идиоты, что не могли решить свои вопросы дистанционно — я был одним из них. Ну а как еще мне повидаться с уважаемым, кхм, доном этого милого городка? На сайте доставки не было услуги — «похитить окружного прокурора и доставить в подвал дешевого китайского бара». Хотя не исключено, что я просто плохо искал.

Я поднялся, раскачиваясь и разминая затекшую поясницу. И после недолгих раздумий бросил книгу на стойку, при этом неудачно попав в чашу с лапшой, отчего та опрокинулась. Да плевать, все равно она была не вкусной. Оглядев небольшой зал, оценив красоту распростертых тел на перевернутых столах, я подумал, что если добавить яблоко, то получиться не плохой натюрморт.

Бесшумно спустившись по стальной лестнице, покрытой тонким слоем льда, я материл того жалкого ублюдка, что от-

вечал за охрану труда в этой забегаловке. Так ведь и навернуться не долго, приложиться затылком о ступеньки и бесславно отдать концы, распластавшись в дебильной позе.

— Да Хуанито? — спросил я у покрытого татуировками боевика картеля, что лежал справа от лестницы с пробитым черепом.

— И поза у тебя, действительно так себе.

Я скосил взгляд на выцветшую пластиковую карту справа от двери, надпись на ней гласила – «ответственный за пожарную и трудовую безопасность инженер по охране труда Хуанито дель Рейс». Вот всегда знал, что есть в жизни справедливость.

Тщательно вытирая руки салфетками с ароматом ванили, я на мгновение задумался, а зачем вообще салфеткам эти ароматы? Кто их вообще нюхает?

Четыре часа. Столько мне пришлось ждать, сидя за барной стойкой, и сейчас, наконец, действие транквилизаторов должно закончиться, и я смогу побеседовать с так называемым Большим Доном. Окружным прокурором и боссом ячейки картеля, в этом захолустье. Дон действительно был большим, полтора центнера полусинтетической массы, комплект хоть и устаревших, но все же военных мышечных имплантов, титановый усилитель позвоночника и подкожная композитная броня. Стандартный набор солдата сорокалетней давности.

Ублюдок, туго стянутый тонким стальным тросом, раскачивался на двух крюках для свиных туш, что вошли точно под ребра и держали весь этот вес под потолком. Такая мелочь не убьет его модифицированное тело, но гарантированно доставит неудобств, что настроит на нужный мне характер беседы.

Оставалось только ждать, наедине со своими веселыми мыслями.

Медицинское ядро системы барахлило, чувствовать себя скверно, уже стало привычкой за последний год. Частые приступы ярости, которые мне все труднее было контролировать, говорили о том, что осталось мне не долго. Еще год, максимум полтора, и остатки моей худой крыши улетят в волшебный мир насилия, где я проживу до первого отряда Фантомов, что меня прикончат. По некоторым причинам я не мог воспользоваться услугами квалифицированных медиков, а нелегальные «коновалы», не могли справиться с телом двухсотлетней с гаком давности. Мне нужно восстановить память, нужно открыть ядро моего искина, но это не просто сделать, когда на хвосте сидят спецура Имперских ВКС и наёмники корпы.

Удивительный парадокс, большинство моих имплантов, сейчас считались не достижимым пиком технологий, я и представить не мог, насколько сильно человечество деградирует за пару веков. Долбанные корпорации со своими монополиями.

Я смотрел на ещё одну нить в моих поисках, человек, который точно знает о Титане. И о том, кто может мне действительно помочь.

Ещё немного, возможно пару минут, и он очнется. Откроет глаза, и первое что увидит, свои посиневшие от холода ноги, под которыми натекла уже изрядная лужа вязкой крови. Охренев в первые секунды, он не сразу поймет, что в общей картине не хватает чего-то очень важного. Привычного и такого необходимого. И когда он осознает что в луже на полу, лежит его дружок, когда он поймет что все это не наркоманский кошмар, когда он поднимет свои мелкие черные глаза и откроет рот для крика, именно тогда он увидит меня – с окровавленным мачете в руке и доброй улыбкой старого патологоанатома.

Приятно чувствовать себя провидцем, ибо все произошло почти так, как я и предсказывал, только кричать он начал сразу как очнулся, и замолчал как только посмотрел мне в глаза.

— Ты хоть знаешь на кого попер мразь! Я окружной прокурааааа…— с тихим шлепком в лужу упали несколько пальцев с его ноги, я смахнул кровь с клинка, продолжая улыбаться, замахнулся вновь.

— Сука… я вырежу всю твою родню! Ты будешь… б**дь! Да хватит уже! – на одной ноге пальцы закончились и я похлопал его по щеке тыльной стороной мачете.

— Угомонись Рамирес, мне похрен на твои угрозы. Да, я очень хорошо знаю тебя. Прославленный в прошлом боевик, который решал любые проблемы картеля на восточном побережье, кроваво и с огоньком. Помнишь, как тебя боялись местные после той сожжённой деревни? Или резни в кантине, сколько ты там лично зарубил, нищих старых рыбаков? Больше дюжины? Или даже двух? Большой и страшный Дон Рамирес, гроза восточного побережья – я сплюнул на пол, во рту уже давно стоял привкус специй, не люблю китайскую кухню, и зачем я её заказал? Рамирес дергался на крюках, от чего те входили только глубже, и когда наконец успокоился, я продолжил.

— Спустя всего лишь семь лет, стал, мать твою, окружным прокурором. Обзавелся полезными связями и парой десятков лишних килограмм. Обрюзгший и обленившийся старый боров, что болтается на крюках в морозилке. Подошла твоя очередь на разделку – я положил мачете на его ухо, замер на секунду, вглядываясь ему в глаза, и резко рванул клинок на себя. Когда ухо с тихим шлепком упало на пол, и он перестал кричать, я уселся на ступени лестницы и закурил. Он хотел что-то сказать, но я жестом остановил его

— Сегодня ты умрешь Рамирес. Без вариантов, без торга. Сегодня ты умрешь, осознай уже это. Разница только в том, как быстро я тебя убью.

Он теряет слишком много крови, а мне в голову ударила химия дешевой сигареты.

Я прижал к его груди блок автоаптечки, та быстро приклеилась к коже и ввела несколько игл. Препараты растеклись по венам, его зрачки расширились а кровь почти сразу перестала хлестать из ран, на какое то время, смерть взяла перерыв.

— Ты никогда не задумывался, почему они перестали писать состав на пачках? – я показал ему сигареты – Честно говоря, мне кажется, что в этой дряни нет ни капли настоящего никотина, закуришь?

Он только кивнул, продолжая следить за мной немигающим взглядом. Когда он сделал долгую первую затяжку, поморщившись, я подмигнул ему и взял стоявшую у входа сумку. Достал конус первого термобарического заряда, проверил блок управления и выставил чистоту передатчика на детонаторе. Пришлось потратить пару минут, что бы расставить по всей камере несколько таких зарядов. Можно было сделать это раньше, но я хотел, что бы он все видел. Что бы он понимал, что я не блефую, что шансов у него нет.

— Да, ты правильно понял. Когда я с тобой закончу, все это здание сгорит в химическом огне при температуре выше тысячи градусов. От тебя даже костей не останется. Впрочем, если что то и уцелеет, то найдут не скоро. Как я уже сказал, сегодня ты умрешь, и это ни как не изменить.

Я докурил, и букет системных ядов дешевой отравы, подарил мне иллюзию покоя, наверное, именно так и подсаживаются.

На миг, перед глазами возник мальчик с кроликом, и я вздрогнул. Сердце резко сорвалось в галоп, разгоняя грязную кровь по шлангам моей системы. Пришлось постараться, что бы сохранить контроль, если приступы продолжаться, то я рискую не успеть с поиском хорошего «мозгоправа». Я посчитал до пяти, прокручивая в голове простую мантру — «это не мой сон». Асоль молчала. Уже год я не слышал ее голоса. И я не мог вспомнить, почему я больше не слышу её. Злость и мерзкая обида съедали меня изнутри.

Возможно, Рамирес что-то увидел в моих глазах, возможно, было что то еще, но мне было плевать, я лишь заметил как опустились его плечи.

Вот он, этот момент, когда он точно понимает что это конец, его нижняя губа предательски дрожит, а черты лица медленно оплывают вниз, расслабляясь. В глазах затухает тот самый огонек зверя, что собирался драться до конца и даже лелеял надежду выкрутиться. Отгрызть лапу, зажатую

стальными зубами капкана, и сбежать от охотника. Но не в этот раз.

Да, ты все правильно понял Большой Дон, именно так, нет смысла угрожать или пытаться купить свою жизнь, ты уже мертв.

— У меня была мысль, подвесить твою тушу на столбе у входа в бар. Само собой после долгих пыток. Но тебе повезло, я решил, что мне лень возиться с этим, и я просто сожгу тебя вместе с баром. И ни кто не увидит тебя голым и выпотрошенным. Так что можешь сказать мне спасибо за это. Что? Не скажешь? Ну и ладно, пусть это будет на твоей совести, не воспитанный ты выродок.

— Я не знаю, что я тебе сделал и кто ты, и …

— Молчи и слушай Рамирес, единственное, что я хочу от тебя слышать, это четкие и правдивые ответы, или твой крик, когда я начну тебя пытать. Проблема в том, что я не обучен пыткам. Обычный полевой допрос это да, это я могу. Но долго мучить человека, нет, это не ко мне. Поэтому я решил поступить как нормальный дилетант, накачать тебя обезболивающими и стимуляторами, а дальше смотреть, как эти мерзкие создания сделают всю работу за меня.

Я достал из сумки алюминиевый термос. С тихим шипением крышка открылась, и я поднес его к лицу Рамиреса.

— Видишь, на дне копошатся желтые длинные твари? Плотоядные черви, их создали для утилизации органического мусора. Если верить описанию, за шесть часов они полностью съедают взрослую лошадь. Учитывая, сколько медикаментов тебе ввела аптечка, думаю, ты сполна насладишься всеми ощущениями. Я ставлю на три часа минимум, химия в аптечке элитная, армейская, а голод этих тварей не утолим — я посмотрел ему в глаза и подмигнул – Давай начнем?

Он дернулся, попытавшись отстраниться. Цепи заскрипели под потолком, а на пол попала новая порция горячей крови, что быстро застыла на льду.

Я уловил запах пота, с металлическим оттенком, и поморщился. Мерзкая смесь.

Он сломался не сразу.

Сначала были крики, потом угрозы, затем он просто долго молчал, тяжело дыша, и смотрел на меня с такой ненавистью, что даже мурашки по спине пробежали. Хотя, это скорее от холода. Когда черви дошли до колен он впервые попросил меня о смерти. Я молча достал из сумки спрей с препаратом и опрыскал им червей, твари замедлились и через минуту заснули.

— Эффект длится полчаса, затем они проснутся и продолжат.

— Спрашивай. Прошу, просто спроси уже хоть что-нибудь, я на все отвечу. Только, пожалуйста, просто убей меня после.

Я закурил новую сигарету и снова уселся на ступени.

— Титан — сказал я спокойно. — Говори.

Он сглотнул. Кадык дернулся, натягивая потную кожу. Зрачки остались неизменны, похоже, он действительно смирился.

— Мы… мы ушли раньше. Нам приказали.

— Кто?

— Не знаю — слезы давно высохли, и покрасневшие глаза остались неподвижны — Клянусь. Приказ поступил по закрытому каналу, одноразовому. И шифр и коды были верными, но сообщение анонимно. Нам приказали сворачиваться и валить как можно быстрее.

Я чуть наклонил голову, давая понять, что он может продолжать.

— Приказ пришел сверху. С самого верха картеля. Мы быстро собрали товар и погрузились на лайнер корпы. Холдэм. Но думаю, это ты и так знаешь.

— За сколько?

— Что?

— За сколько времени до?

— За… за восемь часов до начала.

Я медленно кивнул. Этого было достаточно, чтобы подтвердить худшее. Потушив сигарету о труп Хуанито, я сразу закурил новую. Уже близко, сердце разгонялось, медядро не справляется с нагрузками, тело медленно шло вразнос. Титан, миллионы жизней оборвавшиеся за одиннадцать минут.

— Значит, твои люди не вели боевых действий?

— Какие к черту боевые действия?! — он всхлипнул. — Мы даже оружие не расчехляли! Нас вывели из игры, как мусор перед проверкой!

Я посмотрел на его ноги. Потом снова на лицо.

— Харон.

Он вздрогнул, дернулся как от пощечины и тут я наконец заметил изменения. Он испугался. Старый наемник, убивавший десятками, сжигавший деревни, подвешенный на крюках и смирившийся со скорой смертью – испугался. Я даже почувствовал толику ревности.

— Нет — прошептал он — Его не трогай.

— Я не спрашивал разрешения. И в отличие от тебя, не боюсь призраков. Но ты, похоже, знаешь его лично?

— Я знал его — поправил он дрожащим голосом. — И я больше не хочу, даже вспоминать о нем.

Это было интересно.

— Говори.

— Он… не человек — Рамирес нервно усмехнулся. — Он как призрак, сраный неуловимый вирус, неизлечимая болезнь из сети. Даже корпы его не ищут, от него бегут. Ты в курсе, что он замочил одного из Церберов марсианского флота? Первый и единственный хакер, который обнулил военный искин в сетевой схватке.

— Мне нужен он.

— Зачем?

Рамирес кажется, начал терять связь с реальностью. Но этот разговор стал куда интереснее, чем ожидалось, и я решил ответить на его вопрос.

— Нужно покопаться в моей голове.

Он замолчал. Потом медленно, очень медленно, кивнул.

— Тогда ты либо уже мертвец, либо скоро им станешь. Ни кто добровольно не идет к Харону за помощью — сказал он почти с уважением. — Потому что Харон берёт плату не деньгами. Денег у него и так столько, что некоторым топовым корпам не снилось. Ты же в курсе, что оплату он берет воспоминаниями? Настоящими, не сгенерированными. Только подлинники, и я без понятия, зачем ему они, но слухов ходит много, и один страшнее другого.

Я улыбнулся.

— Отлично. Значит, ему придется поработать в кредит.

Черви проснулись и продолжили утолять голод. Он захрипел, но не стал просить снова. Еще одна порция спрея. Он благодарно кивнул. Неужели уже началась эта стадия, я даже был немного сбит с толку, так быстро он начал испытывать благодарность к своему мучителю лишь за краткую передышку. Я думал он куда крепче.

— Как связаться?

— Есть… есть ретранслятор. Старый. На окраине города, где заброшенные комплексы и склады. Найди подземную парковку, на последнем этаже увидишь помещение охраны. Там давно ни кого нет, в кладовке пульт контроллера. Нет ни какого пароля, ни шифра, просто сделай запрос по имени и жди. Если Харон захочет, то ответит. Других способов связи я не знаю.

— Координаты.

— Я скажу… — он закрыл глаза. — Только убей меня сразу. Сделка?

Я посмотрел на него, достал пистолет, взвел, досылая патрон, и приставил дуло к его виску. Он улыбнулся.

— Сделка – ответил я.

— Восточная часть гидропонных комплексов. Восьмой грузовой шлюз, едешь строго прямо до конца сектора, там упрешься в парковку, о которой я говорил. Все просто, охраны нет. Весь сектор давно заброшен. Прежде чем выстре-

лишь, ответь мертвецу на один вопрос. Я рассказал, что не причастен к Титану, да и плевать, просто хочу знать, как с этим связан ты?

— Арес.

Его глаза округлились в удивлении, и он что-то попытался сказать, но я уже нажал на спуск. Кумулятивная пуля прожгла в его повисшей голове дымящуюся дыру. Я выплюнул потухший окурок, и пошатнувшись от накатившей секундной слабости чиркнул зажигалкой, закуривая новую.

Глава 3. «Титан».

«До пят в крови, мы бьемся с мертвецами,
воскресшими для новых похорон…»
Н. Гумилев.

Два года назад.

Массированный залп десятка орудий, снова сотряс корпус корабля, пришлось крепко схватиться за поручень, чтобы не упасть. Сквозь затихающий гул взрывов донесся спокойный голос Асоль.

— Меньше тридцати минут до начала десантирования. Артиллерийская обработка купола идет уже седьмой час, системы ПВО врага почти уничтожены или подавлены. Вероятность безопасной высадки, приблизительно, пятьдесят восемь процентов.

— Интересно девки пляшут, по четыре тела в ряд. А ведь это выше среднего шанса в моей профессии – хмуро усмехнулся я. Асоль смягчила голос, ее деловая сосредоточенность причудливо смешивалась с заботой.

— Не забывай, твоя жизнь, это моя жизнь, поэтому, пожалуйста, будь осторожен.

— Фугасу глубоко плевать насколько я буду осторожен – сосредоточившись на показаниях диагностики дронов, ответил я.

Ангар, заполненный пятью десятками десантных капсул, к которым спешно двигались бойцы в своих штурмовых скафандрах, гудел их голосами как потревоженный улей.

Минимум освещения позволял разглядеть только маршрут до шлюза, всё остальное утопало во мраке. Красные вспышки боевой тревоги ритмично окрашивали металлический пол, а их рев сливался с очередным залпом орудий.

Функциональный минимализм, корабль, капсулы, дроны и скафандры. В их конструкции и дизайне, созданном лучшими искинами ВКС, не было ничего лишнего, только необходимое для выполнения поставленной задачи. Порой я замирал ненадолго, любуясь совершенством механизмов, созданных защищать и убивать подобных себе, и сравнивал их с собой. Так ли сильно я от них отличаюсь?

Каждый выстрел отдавал вибрацией по перекрытиям, толкая в пятку магнитного захвата на подошве. Стараясь продвигаться между ними, внимательно отслеживая красные вспышки, я добрался до своей капсулы.

Закрепиться удалось за пару секунд. Быстро проверив оружие и прогнав тесты, я проверил связь с дремавшими в своих ложах дронами. Каждый отозвался мгновенно, чего и

следовало ожидать.

Я мысленно загибал пальцы, проверяя наличие всех «бойцов» в моей связке: тяжелый штурмовой, следом дрон противовоздушной обороны, разведывательный летающий призрак и рой небольших «камикадзе».

Они пережили со мной уже восемь высадок, «новичками» были только камикадзе, но таков их путь, в один яркий конец. Батальонный психолог утверждала, что это нормально – одушевлять дроны, «Это эмпатия – говорила она – Они идут с тобой в бой плечом к плечу». Но всегда просила не забывать, «Дрон — это инструмент». Асоль уже вносила новые тактические схемы в виртуальные ядра, а я пытался настроиться на предстоящий бой. В голове назойливо крутилось лишь одно: сколько из нас вернется на этот раз?

Каждое подключение, было серьезной нагрузкой на мою нервную систему, даже с учетом помощи Асоль. Поэтому умение игнорировать чужие сигналы алгоритмов, что неизбежно просачивались по обратной связи, было одним из ключевых навыков настоящего «оператора». Очень многое в этом процессе зависело от умений ИИ помощника, но с этим мне повезло больше чем кому либо, мощности Асоль позволяли ей взять большую часть задач на себя.

Все основные тесты были завершены: синхронизация, сопряжение, стабильность и скорость связи и отклика, они были готовы к бою. Как и всегда. Синий свет контрольной па-

нели, что висела над шлюзом, дважды мигнула, отбросив мелькнувшие тени.

В капсулу забрались еще два десантника, я быстро осмотрел каждого и сразу понял — явные новички. Один и вовсе с трудом смог закрепиться на стэнде, он не мог попасть в замки трясущимися руками. И какого хрена его автоаптечка до сих пор не вколола ему седативные?

Уже в третий раз я вижу новобранцев, не прошедших полный курс подготовки, на боевой высадке. Затянувшийся конфликт с фанатиками истощил запасы ВКС, запасы живой силы.

Зачем они мне нужны в капсуле?

Не нужны, лучше бы их выгнать к чертям, толку от двух «мясных» горе стрелков нет. Лучше бы добавили мне пару тактических «гончих» в связку.

В слух я ничего не сказал.

Смертнички. Не знаю, осознают ли они, что их срок жизни в бою немногим больше чем у моих «камикадзе». Хотел бы я их выгнать обратно в ангар, но приказы командования не обсуждаются. ЧВК «Арес» строго следят за дисциплиной, могут блин, и премии лишить, «процентов на дцать».

Чернокожий десантник, наконец, справился с замком, и сложив дрожащие руки на поясе, часто моргал от пота заливающего лицо. Либо по какой-то невообразимой причине в его скафандре не работал климат контроль, что очень мало-

вероятно, либо он слишком сильно волновался.

— Как тебя зовут, новичок? – я спросил у него, подключившись по закрытому каналу.

— Оливер, сержант – вздрогнув от моего голоса в наушниках, ответил он.

— Слушай внимательно, Оливер. Главное, после посадки, как только капсула коснется поверхности, сразу покидай ее. Останешься внутри на секунду дольше, есть огромный шанс, что прилетит кумулятив. Второе, доверять в бою ты можешь только своим глазам, и то не всегда. Дроны с тобой ровно до того момента, пока ты не потерял с ними связь, и не подставил их под ЭМИ или «ломку». Все усвоил?

Сначала он часто закивал, глядя на меня с растерянностью, но тут же покачал головой в отрицании. Не уверен, что он понял хоть что-то, а точнее, явно ни хрена не понял, но времени на объяснения уже не было.

Гарнитура шлема заскрипела голосом командира роты, отчего Оливер снова вздрогнул.

— Всем группам, минута до десантирования. Готовность ноль. Финальная проверка систем, по завершению доложить.

Я сразу скинул отчет о готовности, перепроверять всю систему в десятый раз прямо перед стартом, это тупость. Тупость — которая прописана в протоколе.

«Действуем как всегда?»

«Да, падать будем в «тишине», рассчитываю на тебя Асоль».

После синхронизации радиосвязи, я обратился к новичкам.

— Не знаю, за какие косяки вас отправили в мою капсулу, да и насрать. Но выполнять мои приказы надо быстро и точно. Будете тупить или начнете стрелять в мою сторону – сам завалю. Двигаетесь исключительно ползком, в крайнем случае, в приседе, строго позади меня. Короче, без необходимости не высовывайтесь, не стреляйте и вообще не отсвечивайте, глядишь хоть живыми останетесь. Сейчас быстро отключайте все системы скафов, оставляете только жизнеобеспечение. Быстро обсосы! Или выброшу на хрен еще в полете! Когда до поверхности будет километр, тогда и включайте. И не раньше!

Пока я говорил, огромные ворота ангара плавно расходились в стороны, открывая вид на величественный Титан.

Купола колонии, что раскинулись от полюса до полюса, сверкали вспышками орудий и артериями транспортных магистралей, что очерчивали границы каждого гига-купола, разделяя их на сотни колец.

Прямо под нами, среди взрывов и россыпи обломков, что летали на огромной скорости, я видел огоньки полыхающих пробоин в шлюзах космопорта.

В кратерах от тысяч снарядов, что обрушил с небес ударный флот корпорации, я смог засечь передвижения мобильных орудийных платформ врага.

Они готовились к встрече.

Из ангара соседнего корабля посыпались десантные капсулы шестой роты. Разогнав полумрак ангара, вспышками разгонных двигателей. Они устремились вниз. Десятки ложных целей, пустых капсул и приманок старались принять зенитный огонь на себя. Они сгорали в секундных взрывах, быстрее, чем новые вставали на курс. Все пространство под нами горело в химическом пламени, брызги раскаленного металла обгоняли обломки капсул, ударяясь, они порождали новые вспышки.

Геенна огненная.

— Десять секунд – сообщает Асоль – пошел обратный отсчет. Пять…четыре…три…два…Старт!

Мир резко провалился вниз.

Желудок за секунду взлетает куда-то к горлу, а тело вжи-

мает в стэнд огромной перегрузкой. Грохот обшивки с ревом заглушает все вокруг, вспышками свет проносится мимо верхнего иллюминатора капсулы, пока нас охватывает плазма плотных слоев атмосферы. Прижатый перегрузкой, я дрожал вместе с капсулой от каждого маневра, буквально ощущая себя ее частью. Вибрация корпуса передавалась мне, и пробирала, как казалось, до самых костей.

Набрав стартовое ускорение, и встав на заданную вертикаль падения, Асоль отработала маневровыми и отключила все системы. В этот момент наша десантная капсула пропала с радаров врага, почти полностью обесточенная, она не излучала больше никаких активных сигналов, только огненный шлейф, что тянулся за нами с самого старта.

Точно так же, капсулы моих друзей, «погасли». Оставалось надеяться, что весь отряд уцелеет и после высадки сможет пробиться к месту сбора.

Я вывел картинку с внешних камер на визор шлема. Асоль следила за телеметрией и озвучивала самое важное.

— Высота семьдесят километров, скорость снижения полторы тысячи метров в секунду, стабилизируется. Точка посадки подтверждена.

Цифры высотомера уменьшались чуть быстрее, чем обычно, но это ничего не меняло. Я старался заметить на поверх-

ности любые признаки замаскированных боевых машин. Самое худшее, что могло случиться, это попасть в плотное кольцо засады сразу после приземления.

В этом случае кинжальный перекрестный огонь просто разнесет нас на куски, не оставляя ни единого шанса на выживание. Ненавижу такие моменты, когда ты ничего не контролируешь и ни как не можешь повлиять на происходящее, уповая только на госпожу удачу.

Тихие всхлипы одного из молодых бойцов немного раздражали. Я не обращал на него внимания, максимально сосредоточившись на раздаче команд дронам.

Теперь вся надежда на них. Они не промажут, не дрогнут и не отступят. Закроют своим корпусом от вражеской пули, ни секунды не колеблясь. А я постараюсь сделать все, что бы сохранить их в бою. Вряд ли батальонный психолог оценила мои потуги, так как дроны это расходный материал, но видимо в силу моего характера, я относился к ним как к живым бойцам и не хотел терять без необходимости.

За четыре секунды до касания, сработали тормозные гасители. Мгновенно возникшая колоссальная перегрузка в сорок восемь «джи», заставила меня захрипеть, в попытке выпустить воздух из легких. В такие моменты думаешь только о компенсирующих устройствах и прочности аугметики. Сознание попыталось покинуть меня, вслед за угасающим зре-

нием, но автоматика мед-ядра не позволила этому случится, выбросив дозу боевой химии в кровь.

Ошалелые, выпученные глаза новобранцев говорили о многом, не мудрено, это их первая боевая высадка. И я рад, что они не отключились, потому что не стал бы тратить и секунды на то чтобы вытащить их из капсулы. Их выживание – это их проблема.

Крепления стэндов с треском сломались, освобождая нас из захвата. Пиропатроны залпом вышибают бронепанели по кругу капсулы. Первым выскочил штурмовик. Не теряя ни секунды, прыгаю следом за ним. Над головой проносится «призрак», он сразу начинает передавать тактические данные на прямую Асоль, сканируя пространство во всех доступных спектрах.

Дроны перестроились в боевой порядок, и открыли огонь на подавление по всем выявленным позициям врага. Действуя интуитивно, я присел и короткой очередью от плеча сбил вражескую ракету, над головой тут же появились вспышки вражеских трассеров. В нескольких метрах стояла капсула кого-то из шестой роты, она получила прямое попадание еще до приземления. От корпуса осталась только смятая груда металла, чадящая черным дымом, уверен, что экипаж даже не осознал момента гибели.

Оглядевшись, заметил, что оба новобранца успели выбраться следом за мной и теперь неуклюже ползают в крате-

ре в поисках укрытия.

— Асоль, что видно впереди?

— Противник отступает вглубь сектора, от шлюзов в сторону жилых застроек. Они держат участок обороны между восьмым и девятым квадратом, в корпусе грузового порта. Фиксирую двадцать две мобильных орудийных платформы, около десятка солдат и одну «Мантикору», она выполняет функции ПВО.

— Ясно. Значит, двигаемся туда по дуге со смещением вправо, будем укрываться от прямого огня в кратерах и экономить БК. Выстраивай полукольцом, особое внимание на ПРО. Разбери по секторам, без необходимости в прямой бой не вступать, до моего приказа.

— Выполняю. Будь осторожен, я хочу вернуть тебя домой целым.

Не удержавшись, я улыбнулся и подумал, что так и не решил где он, этот дом.

Передо мной горели строки данных, точки тактических маркеров каждого дрона, что распределились вокруг плацдарма. Тяжелый штурмовик «Дикобраз», ощетинившись ав-

то-пушками и пулеметами, шел впереди, прокладывая нам путь шквальным огнем. За ним уверенно двигался «Пион» с комплексом ПВО на спине, отстреливая хлещущие с неба ракеты и сбивая воздушные дроны, что имели неосторожность попасть в сектор его огня.

Я почти физически чувствовал, как напряжена Асоль, наша синхронизация всегда повышалась в опасных ситуациях. А что может быть опаснее огневого клинча сразу после высадки?

«Атлант» не давал большой свободы действий, зато отлично защищал от осколков, старый, но проверенный годами штурмовой броне-скафандр, не подвел и в этот раз. На его визоре вспыхивали тепловые отметки солдат врага, электронный мозг «Бивиса» отображал траектории выстрелов и подсвечивал наиболее опасные цели.

Сбоку пронеслось звено воздушных разведчиков, они открыли ураганный огонь по позициям обороняющихся. Это дало мне возможность незаметно продвинуться во вражеский фланг.

— Асоль, всех камикадзе отправь с фланга на их М.О.Пы, но большую часть урони на Мантикору, она главная наша проблема.

— Выполняю.

Рой из тридцати маленьких полимерных птиц, с едва заметным шелестом двигателей, заходил на вираж с фланга, именно там Мантикоре было неудобно вести по ним огонь. Благодаря удару истребителей, её удалось отвлечь от моей группы, этим шансом я и решил воспользоваться.

Сквозь заградительный шквал к Мантикоре прорвались всего три черных «птички», размером чуть больше ладони, и этого хватило с лихвой. Она качнулась от удара, и через мгновение вспыхнула оранжевым облаком плазмы.

Взрывом разнесло перекрытие, на котором она стояла, и с горой железобетонных обломков ее горящий остов обрушился на окопавшихся внизу противников, погребая их под собой. Остальные камикадзе ударили по платформам, поднимая облака пыли и грязи, дезориентируя врага.

Череда взрывов, прокатившаяся по их рядам, дополнилась канонадой снарядов от дикобраза, что окончательно сломило сопротивление на этом участке. Новички, старались не отставать от меня, и в позах срущегося краба пробирались следом за Пионом. Если не затупят, может быть и переживут сегодняшний день, главное что бы ни высовывались и не мешали.

— Чисто! – выкрикнул Оливер, нелепо встав в полный рост и задрав руки над головой. Я даже не успел выругаться, когда короткая очередь прошила грудь новобранца. Идиот. Сжатым сигналом я скинул пеленг на тело новобранца, мо-

жет быть, его подберут, когда все закончиться, а впрочем, скорее всего — нет. Второй новичок, имя которого я так и не узнал, свернулся калачиком на дне кратера.

И этот спекся. Лучше оставить его здесь, так у него будет больше шансов выжить.

Я получил сигнал тревоги от «призрака» и тут же Асоль подтвердила мои опасения

— Фиксирую численное превосходство врага! Восемь к одному. К ним прибыло крупное подкрепление! Нужно менять тактику.

— Принял.

Скорость и точность. Вот наше главное оружие. Скорость принятия верных решений и точность их исполнения. Мысленный образ, короткий миг и дроны уже знали, что им делать, они перестраивались в контур мобильной обороны. Одна из разработанных Асоль тактических схем.

Нужно отойти на триста метров правее, до входа в шлюз. Там засядем под прикрытием наших «Беркутов». Дикобраз прикрывает отход, Призрак пусть отвлекает огонь на себя.

Мы медленно пробивались к назначенной цели.

Всего лишь три сотни метров, оказались для меня вязким

коридором кинжального огня. Единственное что хоть как то радовало, враг бил из ручного оружия, и большую часть пуль и снарядов останавливали мои штурмовые щиты. Я сбросил уже два из четырех, благо прикрываться приходилось только в одном направлении. Манипуляторы, что держали броне-панели щитов, скрипели от нагрузки, а внешний силовой контур экзоскелета терял заряд батарей слишком быстро. Много энергии уходило на работу гироскопов и компенсаторов. От постоянных попаданий меня то и дело раскачивало, это мешало даже просто идти.

Однако львиную долю огня принимал на себя «Дикобраз», я лишь надеялся, что он выдержит и не придется подставлять под огонь «Пион». В боях на крышах жилого сектора ПВО «Пиона» было для меня важнее, чем огневая мощь штурмовика. Последнему уцелевшему «Призраку» я приказал отступить и сопровождать нас под маскировкой, глаза в небе никогда не помешают.

Каждый пройденный метр давался с боем и кровью. Мой стрелковый комплекс "Циклон -22» работал почти без перерыва, выбрасывая вспышки огня и разрывая тела противников умными самонаводящимися зарядами.

Сразу два одноразовых гранатомета отработали в сторону врага. Фугасный и термобарический гостинцы, отправились к своим получателям. Кушайте, не обляпайтесь. Гранаты произвели хороший эффект над укрепленными позициями врага, осыпав их раскаленной шрапнелью и сжигая остат-

ки кислорода под переборками шлюза.

Продолжая поливать очередями из пулеметов, Дикобраз позволил нам продвинуться дальше.

Но удача не могла длиться вечно.

Внезапно прилетевший с неба артиллерийский снаряд угодил прямиком в «Пиона», и разорвал его на куски. «Призрак» мгновенно спикировал и закрыл меня от осколков своим корпусом, выполнив задачу до конца. Достойная «гибель», для достойного воина. Пусть это только программа виртуального интеллекта, но я все равно был ему благодарен за спасение.

— Группа получает критический урон! – предупреждала Асоль, точка за точкой гасли индикаторы наших боевых единиц — Пион и призраки потеряны!

Внезапно справа возникла мобильная платформа противника, она поднялась над краем кратера рядом, и уже направляла свои орудия на меня. Датчики «Атланта» загорелись красным, указывая направление, и предупреждая о наведении систем захвата.

Сердце пропустило удар.

Я ускорил восприятие, пытаясь найти решение, но все отчетливее понимал, что не успеваю ни уклониться, ни укрыть-

ся от залпа.

Асоль в безумной атаке «вгрызалась» в защитные программы МОПа, ее отчаянная попытка спасти нас, нагрузила ядро выше предельной зоны.

Сорока миллиметровые дульные срезы четырех авто-пушек смотрели прямо на меня, и я очень ярко представил как разогнанные до бешеных скоростей снаряды, разрывают нас на куски, не замечая ни брони скафандра, ни титана моей аугметики. Страха не было совсем, только небольшая обида, что не смог уследить за подкравшейся смертью.

Странная мысль проскользнула на границе сознания, интересно, а «Лазарь» сможет собрать меня по частям?…

Панель активной защиты скафандра, сработала автоматом, умудрившись отразить первый снаряд немного в сторону, отчего тот пролетел над левым плечом. Последняя щитовая панель, наверняка выдавая максимальную мощность на сервоприводы, старается прикрыть меня от следующих залпов. Однако это ничего не меняет, последний козырь был разыгран, и больше мне нечего поставить против огня.

Нам не хватает всего лишь доли секунды, что бы Асоль сожгла ядро платформы.

Следующий залп орудий должен был поставить точку в моей истории, но Дикобраз, потерявший половину корпуса и падая на подломившейся опоре, выпустил всё, что еще оста-

валось в его арсенале. Снаряды и ракеты, превратили платформу в груду обломков. Весь бой занял всего две секунды.

Взрывная волна ударила в грудь, но я устоял на ногах.

Дикобраз, лежа на боку, повернул ко мне свою основную камеру, словно хотел убедиться, что он успел и я в порядке. После чего замер, а метка его ядра в тактическом интерфейсе погасла.

Над головой снова просвистели трассеры. Где то позади, раздалась цепочка взрывов. Я поднял правую руку в воинском приветствии, глядя на останки Дикобраза.

Добравшись до входа в шлюз, я сбросил внешний силовой контур, его батареи иссякли. Осмотрел последний щит, он был искорежен, и прямо по центру проходила огромная трещина. Он тоже отслужил свое.

Удар корабельной артиллерии, разворотил некогда герметичные створки шлюза, что кривыми обломками валялись вокруг. Укрывшись за ними, задумался, что делать дальше.

Такого ожесточенного сопротивления не ожидалось. Слишком много странного было в поведении противника, они как всегда упорно отказывались сдаваться и дрались до конца, но раньше они не были так организованы. Это не стало бы большой проблемой, но в их распоряжении оказалось много тяжелого вооружения.

В брифинге говорилось о восстании, организованном ячейкой фундаменталистов «церкви медного бога». Они

считались радикальными фанатиками и противниками любых технологий, а тут нас встретили огнем «Мантикоры» и «МОПсы», и могу поклясться, что по капсулам били дорогущими ПЗРК «Шанс». Все это очень дорогое и недоступное вооружение, даже на черном рынке «шанс» так просто не найти. Возникает закономерный вопрос — Откуда такое вооружение на Титане? Даже силы службы безопасности колонии, или элитные ЧВК используют «шансы» крайне редко. Экономика войны просто не позволит, каждый такой ПЗРК стоит больше десяти миллионов марсианских долларов. За такие деньги можно купить новый внутрисистемный грузовой лайнер или небоскреб на Земле.

Сегодня, по сути, по нам били просто колоссальным количеством денег. Слишком многое не сходилось. Провал разведки или целенаправленная диверсия? В любом случае, отсидеться не получится. Надеюсь, ребята выберутся живыми.

— Я ищу резервы, недалеко от нас в капсуле остались три «легионера», если подберемся ближе я смогу к ним подключиться и создать «связку» — предложила Асоль.

— Так и поступим. Без «Призраков» будет туго, но хер с ним, берем легионеров и топаем под купол.

Скрываясь под обломками, передвигаясь ползком, я медленно но верно, подбирался к накренившейся на бок полу-

пустой капсуле.

Внутри был обезглавленный осколком десантник. Он так и стоял, закрепленный на стенде, пораскинув мозгами. Видимо легионеры были в его «связке». Ты брат извини, но тебе это больше не понадобится. Помимо дронов, нужно забрать его боеприпасы и гранаты, они мне еще пригодятся.

Асоль сообщила, что расстояние позволяет создать стабильное соединение. Я замер и сильнее вжался в небольшую канаву, оставленную упавшим истребителем.

На тактическом интерфейсе, в реальном времени рисовалась визуализация подключения к легионерам. Это выглядело, будто черные прозрачные провода тянулись от меня по земле в сторону дронов. Обвивая корпус, эти незримые нити проникали в каждую щель между броне-пластин.

«Головы» легионеров дернулись, я уловил, как они откликнулись на мой призыв. В мыслях мелькнули образы прошедших не одно сражение ВИИ, настоящие ветераны корпоративных войн. Мы встретились взглядом — «связка» принята. Крепления стендов мягко отпустили бойцов, и они выдвинулись в мою сторону, не забыв прихватить для меня запасной БК.

На панели визора загорелись два новых маркера, «Легионер Мк 12» и «Легионер Гончая». Антропоморфные, издалека напоминавшие людей даже своими габаритами, вблизи они внушали уважение. Таких дронов часто использовали

при абордажах в космосе или для боев в узких переходах жилых секторов, где вся инфраструктура была заточена для удобства человека, и такая форма шасси позволяла им эффективнее действовать.

Мы прорвались под купол колонии, закрепившись среди развалин жилого комплекса. Но бой не прекращался. Боезапас, совсем недавно пополненный, снова приближался к нулю.

Легионеры держали сразу по два сектора, периодически делая залпы из установок реактивных минометов на своей спине. Мы оказались в окружении, а враг пёр как умалишенный. Одетые в обычные рабочие скафы, без систем наведения и брони, они умирали десятками, но продолжали наступать. Сражение постепенно превращалось в безумную свалку, они шагали по трупам своих товарищей в полный рост, и палили, толком не целясь.

— Асоль, сообщи командованию, что плацдарм захвачен, но долго мы его не удержим. Требуется огневая поддержка!

— Уже! Координаты передала и запросила удар по экстренному протоколу! Даю подсветку по целям.

Прежде чем ее голос стих, небо над нами засветилось серебром. Тонкий, едва различимый шум истребителей сопро-

вождения, терялся в нарастающем гуле, что постепенно переходил в бьющий по ушам свист. Этот звук пробирал до глубины души, каждого кто его слышал. Он забирался в самый темные уголки сознания, и вытаскивал оттуда давно забытый, первобытный страх. Засевший в подкорке ужас неизбежной гибели, будил ветеранов по ночам, и радовал психологов в докторских диссертациях.

Приближался главный ударный аргумента корпорации – «Белый Рой».

«Тише Танечка не плач… мертвецу не нужен мяч».

Огромное серебряное облако реактивных дронов, устремилось вниз. В мгновение ока, превращая все в пыль. Никогда прежде я не видел применение этого оружия, оно завораживало своей разрушительной мощью.

Еще секунду назад выстроенные из бетона и стали укрепления рассыпались, словно песочный замок под приливной волной. Ни что живое не сможет пережить такой удар, думаю, неживое тоже.

Мы запрашивали артиллерию, а получили филиал ада на земле. Спустя десять секунд все закончилось. Перегруженные активные наушники с треском и шипением переключали каналы рации, сигнала не было.

Тактический модуль показывал катастрофическое падение численности врага. Редкие живые метки на радаре, скорее всего, были частично уцелевшими неудачниками, что

доживали свои последние мгновения. Дрожь волной прокатилась от головы до пят, и волевым усилием я оторвал взгляд от поля боя. Вокруг разлилась долгожданная тишина и покой, но почему то, она пугала меня сильнее грохота боя.

— Девятый Зарнице, докладываю: враг разбит, сектор под контролем. Понесли серьезные потери в технике и личном составе. Продвигаюсь в следующий сектор. Конец связи – закончив передачу сообщения командованию, я опустился на камень среди развалин.

Адреналиновый отходняк бил по мне со всей мощи. Он преодолел заслон успокоительных, что аптечка вливала мне в кровь. Пальцы немного подрагивали, и легкая усталость фантомом легла на плечи. Я огляделся. Некогда ровное посадочное поле, было засыпано обломками техники и сооружений, среди них, словно семена в распаханном поле, виднелись вкрапления человеческих тел. Надеюсь, я не увижу какие всходы, даст эта мертвая земля.

Я почти не смог различить, где останки врагов, где наших. Там, позади, в одном из кратеров лежали новобранцы. Первый бой стал для них последним.

— Кажется, мы неплохо справились. Благодаря тебе Асоль. Не знаю, как бы я выжил без твоей помощи.

— Ты действовал на пределе, нам нужен хороший отдых. Но ведь, это далеко не конец. Может после операции, рас-

торгнешь контракт?

— Напомни мне об этом, когда окажемся на орбите. Я подам рапорт сразу по прилету.

— В прошлый раз ты говорил также – улыбнулась она – Но в этот раз ты не отвертишься.

Рация скрипнула потоком помех и словно в подтверждение ее слов, пришел закодированный приказ командования – «Продолжить наступление». К нему был прикреплен файл о повышении моего звания до Мастер-сержанта и благодарность за отличную службу. Там говорилось о премиальных и прочих бонусах. Я лишь скривился от этой подачки, но выбора все равно не было.

Асоль впервые за долгое время дала волю эмоциям и выругалась, закончив долгую тираду проклятий лаконичным – суки штабные.

В целом я был с ней полностью согласен.

***

Сержант приказал отключить системы скафандра. Оливер и не думал оспаривать приказ, он прекрасно знал, чем это грозило – как минимум штраф к премии, как максимум, расстрел на месте.

На самом деле, Оливер был даже рад, что его отправили именно в группу к Девятому. Ветераны говорили, что «Буревестник» самый прославленный отряд по эту сторону си-

стемы. И славился этот отряд своей живучестью.

Он подавал прошение о переводе, но не смог сдать зачет по тактике с первого раза, и потому пропустил отбор по отрядам.

Поэтому, когда он услышал о подготовке к подавлению восстания на Титане, Оливер сам напросился на эту высадку, заменив раненого ветерана. В штабе на него посмотрели как на идиота, но менеджер, без промедления подмахнул приказ о назначении. В тот момент Оливер был рад, словно ребенок, получая новенький «Атлант» со склада.

Штурмовой броне-скафандр сел как влитой. Матовые пластины активной защиты, давали ложную уверенность в своей неуязвимости, Оливер уже мечтал, как получит лычки рядового и полноценный контракт. Как будет красоваться перед девушками знаком ветерана, и угощать их самыми дорогими коктейлями в «Мертвой голове» на Сатурне.

Главное проявить себя в этой высадке, и тогда есть все шансы попасть в «Буревестники».

И он, гордый сын Марса Оливер Стаут, не упустит свой шанс.

Когда капсула вырвалась из корабля и ринулась вниз, Оливер ощутил, как желудок болезненно прыгнул вверх и застрял где то в горле, он вцепился в поручни стэнда так сильно, что пальцы затрещали.

— Выполняется вход в атмосферу – бесстрастно произнес

внутри шлема механический голос «БиВИса» — Начата подача стимулятора.

Лёгкий укол под лопаткой, и мгновением позже он немного успокоился. Дыхание выровнялось и перестало сбиваться. Побелевшие костяшки по-прежнему крепко сжимали поручни, но страх отступил чудь дальше, перестал быть абсолютным и подавляющим. Теперь он просто мутно гудел где-то на краю сознания.

Капсула с грохотом ударилась о поверхность.

Едва не потеряв сознание, на чистых инстинктах Оливер вывалился из капсулы сразу после раскрытия, и на секунду ослепнув от вспышек трассеров и огненных взрывов, упал на колени, прижимаясь как можно ниже к земле.

Страх внезапно вернулся.

— Бивис что мне делать? – прохрипел он, с трудом поднимаясь с колен и пытаясь разобраться хоть в чем то.

— Предлагаю присоединиться к командиру группы и занять рекомендованную позицию позади тяжелого штурмового дрона класса «Дикобраз». Вероятность поражения пользователя в таком случае снижается на сорок процентов – монотонно отозвался бездушный голос ВИИ.

— Где командир? Укажи направление!

Перед глазами тут же вспыхнул зеленоватый указатель, ведя его к маркеру тяжелого скафандра Девятого. Оливер разглядел, как тот хаотичными рывками двигается между завалами, поливая шквальным огнем позиции противника. «Дикобраз» шел впереди командира.

Он почувствовал новый укол под лопаткой, и мысли снова немного прояснились, освобождая место безучастной усталости. Оливер рванул следом за сержантом.

Всюду вокруг него, даже в небе, взрывались и падали мелкие «дроны камикадзе», сверкали узкие трассы очередей автоматов. Взрывы передавались вибрацией от земли, и больно били по ногам.

Он пытался бороться с паникой, и стоит признать, если бы не препараты, то он давно бы уже проиграл.

Многотонным монстром «Дикобраз» продвигался вперед, выбрасывая десятки килограммов свинца и стали в секундном залпе. Разбрызгивая капли недогоревшей пороховой смеси из стволов авто-пушек. Разрывая строй превосходящего числом врага.

Оливер дрожал, ему было трудно даже просто ползти в тени этой грозной машины войны. На мгновение ему показалось, что он уловил волну ярости от «Дикобраза», словно тот мог ее испытывать.

Как бы странно это не звучало, но эта мысль придала ему

сил.

Оглянувшись назад, он поразился шквалу тысяч мелкокалиберных снарядов, что почти непрерывно выпускал в небо «Пион». Он сбивал вновь появляющиеся ракеты и дроны над ним, Оливер понял, что произойдет, когда у главного ПВО закончится боезапас.

Паника охватила его. Стимуляторы перегрузили нервную систему.

Он дрожал всем телом, вцепившись в свое оружие и делая бессмысленные выстрелы куда то в сторону врага, забыв о прицеливании.

— Пользователь проявляет признаки панических реакций. Ввод успокоительных препаратов увеличен до максимальных значений – равнодушно прокомментировал искин Атланта.

Аптечка выдала серию уколов, по телу растекся жидкий огонь. Это пламя прогнало дрожь, мышцы перестали дергаться, а желудок наконец убрался восвояси, позволив спокойно вздохнуть. Сознание накрыла волна отрешенного спокойствия, паника сменилась холодной решимостью.

Сержант приказал не высовываться. Но как Оливер сможет отличиться, если весь бой будет ползать в грязи? Разумеется – никак. Пожалуй, банальная в своей очевидности мысль, с запозданием пришла в его голову. Пока он лишь

бесполезный балласт, а балласт не удостаивают награды, балласту не выплачивают премии.

Оливер балласт?

Поднявшись в полный рост, он вскинул стрелковый комплекс к плечу, ровно так, как его учили на стрельбище. Шлем подсветил лежащего за укрытием врага, и подтвердив захват по тепловому следу, Оливер впервые осмысленно нажал на спусковой крючок.

Почти не заметная отдача, компенсаторы сработали как положено, ствол так и не шелохнулся. Умный снаряд мгновенно преодолел расстояние до цели, и заложив маленький вираж за укрытие, разорвался сотнями шариков стальной шрапнели. Метка на радаре сменила цвет с красного на желтый, сообщая о гарантированном поражении.

— Чисто! – крикнул он победно, ощущая прилив бодрости.

Сержант на миг обернулся и посмотрел на Оливера.

В этот момент резкая боль пронзила грудь.

Удар разорванной брони скафандра отбросил его назад, гироскопы не успели погасить инерцию, потерявшее контроль тело обмякшей куклой свалилось на дно кратера. Он упал рядом со вторым новобранцем, имя которого он так и не узнал, тот лежал на боку, подтянув под себя ноги, и руками зажимал огромную дыру в животе.

Оливер не сразу осознал что случилось. Он попытался сделать вдох, но легкие больше не принимали воздух, а попытки пошевелиться не приводили к успеху.

Холодный голос ВИИ отозвался спокойной констатацией факта:

— Критическое повреждение пользователя. Ввод препаратов невозможен. Медицинское вмешательство невозможно. Показатели жизнеспособности падают.

«Он поправлял серебряный знак ветерана на новой парадной форме, что сидела на нем как с иголочки. Дядя Бил с гордостью похлопывал его по плечу, а красавица Полли улыбалась в его объятьях. Оливер поднял кружку с пивом и хотел произнести тост. Он не успел, темнота навсегда поглотила его сознание.»

Глава 4. «Нить».

Наши дни.

Воспоминания все чаще возвращались в мою больную голову. Приступы были не предсказуемы и болезненны, но я ждал каждого с нетерпением. Я мог бы написать докторскую диссертацию о жизни без памяти, переплюнуть любого психолога в спорах о личности, но все мои мысли, были заняты поиском ответов. И искал я их, так как умел, или может, просто так оправдывал свои поступки.

Мне не жалко Рамиреса и прочих, кто встал на пути, среди них не было невинных. Сегодня, я наконец вспомнил, как попал на Титан и почему на меня охотятся законники и наемники крупнейших корпораций системы. По крайней мере, частично вспомнил, а это уже что-то.

Асоль, она знала все ответы, но ее ядро заблокировано. И как я выяснил, не зная пароля и не имея прав администратора, разблокировать ядро искина такого уровня почти не возможно. Но именно почти, дает мне надежду.

Харон, легендарный хакер, которого уже больше сорока лет не могут поймать лучшие спецслужбы. Человек, который может помочь мне. Осталось лишь найти, вопрос оплаты я

решу позже.

Фургон городской аварийной службы, торопливо мчался по объездному шоссе, вести его не составляло труда. Далеко за спиной заревом сверкал пожар, старый китайский бар доживал последние минуты.

Дворники на лобовом стекле не справлялись, муссон разошелся с новой силой и грозил смыть проклятый городок. Пришлось сбросить скорость. Впереди показались шпили пустых гидропонных комплексов, мне нужно в восточную часть, восьмой шлюз.

Фургон пересек границу, проехав мимо сломанного шлагбаума. Огромные ангары и пустые фермы встречали меня черными провалами окон. Покосившееся мостовые краны, битое стекло, остовы сгоревших машин, грязные потоки воды были рыжими от ржавчины, что срывалась с металла. Я сменил магазин в пистолете, последние минуты меня пробирали мурашки, и не отпускало чувство, что за мной кто-то следит. Кто-то очень опасный.

Может быть, это просто глюки уставшей психики, может, я уже под прицелом и жить осталось пару секунд, но как бы то ни было, я точно не позволю страху управлять мной.

Свернув за угол я остановился. Быстро покинул машину и скрылся в тени грузовых контейнеров. Дождь барабанил по крышам, вдалеке скрипели ворота, которые перекосило. Журчание потоков воды и завывание ветра в балках пере-

крытий, я слышал все.

Десять минут я вслушивался в каждый шорох, тень стала моим убежищем, пока я смотрел вдаль расфокусировав взгляд. И когда уже показалось, что моя паранойя взяла верх над разумом, я услышал едва уловимый ритмичный звук крошащегося стекла. Несколько объектов. Большой вес. Одинаковые интервалы между шагами, слишком одинаковые, так передвигаются дроны.

Я не верю в совпадения. Вряд ли это случайный полицейский патруль, который непонятно зачем решил прогуляться под ливнем, по заброшенным комплексам.

Стараясь двигаться в тенях, максимально бесшумно я добрался до промышленного комплекса на окраине сектора. И оглянувшись, наконец, увидел преследователей и едва не выругался вслух.

Сотни тронутых ржавчиной контейнеров громоздились вдоль стен. Полуразрушенный цех резал длинными тенями свет далекого солнца. В воздухе стояла взвесь красноватой пыли. Спрятавшись в тени я прижался к опоре конвейера, чувствуя, как вибрирует метал под ногами. Где то недалеко марширует взвод «мантикор», они идут по моему следу.

Казалось, я не допускал серьезных ошибок, не оставлял явных следов, не был привязан мотивами. Только все это было впустую. Неделя, это самый большой промежуток времени, что мне удалось выиграть в этой гонке. Они каждый раз

находили меня, и охота продолжалась. А я очень не люблю быть дичью, которую загоняют на флажки.

Я постарался сосредоточиться. Вибрация стала сильнее, и теперь даже звук шагов стал различим. Мантикоры окружали цех. Целый, мать его, ордер. Четыре шагающих танка с вооружением гребанного линкора, а у меня один воздушный разведчик, и тот без боеприпаса.

Есть ли у меня шанс в прямом столкновении? Абсолютно нет. Стоит хоть на долю секунды попасть в область захвата орудий и меня разорвут на части сорокамиллиметровые снаряды. Будь Мантикора одна, еще бы попытался, но четыре это перебор. Остается только бежать. Но вот проблема, бежать больше некуда.

На самом деле, все было куда хуже, чем могло показаться на первый взгляд. Я не был готов к этому бою, не знал местности, не был соответствующе оснащен. Меня банально застали врасплох, и теперь я загнан в угол ордером тяжелых дронов с поддержкой пехоты, а десятимиллиметровый пистолет, мой единственный аргумент.

Сигнал разведчика пропал. Ну, отлично, теперь я еще и «слеп». Думай Саня, думай, как выкрутиться из этой жопы, желательно не сорвав резьбы.

Лязг затвора разорвал тишину.

Я заметил пулю по легкому смещению тени и завихрению пыли. Тело сработало само, отклонившись с траектории

смерти, рывком уходя за стоящую рядом опору одновременно пытаясь разглядеть стрелка. Ни единой вспышки пороховых газов, ни малейшего звука выстрела. Мелькнула мысль открыть огонь по площади на подавление, но с пистолетом в этом не было смысла. Там где я был мгновение назад, белой дымкой остывали отверстия от пуль, расплавленная сталь стекала вниз словно воск.

— Неплохо – раздалось сразу со всех сторон. Спокойный голос с металлическим оттенком отражался от стен, не позволяя определить источник – Очень неплохо. Чего и следовало ожидать от первопроходца.

Я выглянул, стараясь следить за секторами. Из тени конвейера напротив шагнул высокий человек. Он двигался мягко, не издавая ни звука. Бесформенный, матово черный комбинезон ломал его силуэт, скрывая неестественность его движений. Под маскировочной накидкой капюшона, холодным желтым светом выделялись глаза.

— Впечатляет – я взял его на прицел, смещаясь вправо – Курточку почём брал?

— Не помню, и артикул не спрашивай. Все беру в загашниках корпы. А ты как погляжу, почти не изменился.

Я выстрелил одновременно с прыжком назад. Это было скорее инстинктивно, чем обдуманно. Разорвать дистанцию,

нанести безопасный удар, изучить реакцию цели. Так следовало действовать, когда не знаешь, на что способен враг. Пули точно попали, я даже услышал, как они ударили по мягкой ткани накидки. Силуэт даже не шелохнулся.

— Так ты встречаешь старых друзей? – он рассмеялся и откинул капюшон с головы. Голый череп отливал металлом. Я разглядел характерные швы на стыках композитных пластин, что покрывали его голову. Маска, или же таким было его лицо, стилизованное под череп, не выражало ни каких эмоций. Единственное что выдавало жизнь в этом теле, так это глаза, что с интересом смотрели на меня – Я думал, Климов научил тебя хорошим манерам.

Я сбился с шага.

— Мы знакомы?

— Значит, мои подозрения оказались верными. Как давно ты потерял память?

Мы стояли друг напротив друга. Я держал его под прицелом, он спокойно опустил руки и задумчиво следил за мной. Странно, но я больше не ощущал угрозы с его стороны. Но не стоило забывать о взводе Мантикор, которыми безусловно, управлял именно он.

— Ты не ответил на вопрос.

— Ты тоже.

Скрип битого стекла на полу, только это выдало его. Он двинулся первым. Плавно качнувшись вперед, он сорвался в рывок, размазавшись в пространстве. Я едва успел закрыть голову локтями, прежде чем град ударов обрушился на меня. Единственный выстрел ушел мимо, и пистолет отлетел в сторону. Он не давал мне разорвать дистанцию продолжая наступать, и я был вынужден уйти в глухую оборону. Воздух вокруг гудел от скорости, я ощущал его завихрения на мгновение раньше, чем затупленную адреналином фантомную боль. Спустя пару секунд я понял, что почти не уступаю ему в скорости, но инициатива была за ним. И все же, чем дольше затягивается бой, тем больше ситуация становится патовой.

Глупый, шальной азарт старой доброй рукопашной, захватил меня. Удерживая злость под контролем, я намеренно подставился под удар, что бы сломать рисунок его атаки и нарушить ритм движений.

Пропустив в корпус мощный боковой, я изловчился хлестко двинуть в челюсть на развороте. Будь на моем месте простой человек, то он бы уже валялся, харкая кровью от пробитого ребрами легкого. Но я лишь выпустил воздух из сжатой груди. Он пошатнулся. В его искусственных глазах я уловил удивление. Но развить успех не удалось, он резким прыжком разорвал дистанцию. Выставив руки перед собой,

он показал, что не желает продолжения.

— Мне не стоило забывать, что ты был лучшим бойцом на курсе. Кстати, Сюдзиро после операции с гордостью рассказывал о тебе. Неужели ты совсем все забыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.